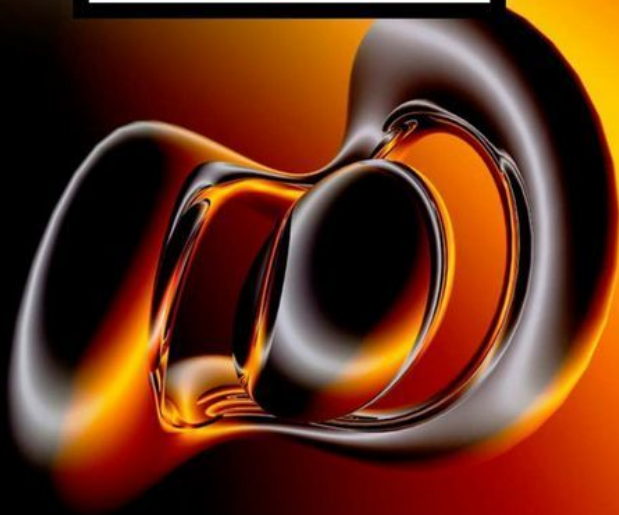

Георгий Каспаров

Расщепление

Георгий Каспаров

Расщепление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829175

ISBN 978-5-4474-1675-1

Аннотация

Когда вы не можете объяснить, вы начинаете бояться. Вы судорожно ищете ответ, но вам не на что опереться в своих размышлениях. Из чего состоит мир вокруг нас, если происходят такие вещи? Ответ в этой книге.

Расщепление

Георгий Каспаров

Все имена и события вымышлены.

© Георгий Каспаров, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Ко всему, что ни происходит в этом мире, мы стараемся дать объяснение. То, что мы не можем объяснить, мы стараемся не замечать. Но за искусственным равнодушием, за маской безразличия, надетой на лицо человечества, живет тревога, постепенно перерастающая в страх. Этот страх жжет изнутри и разрушает, рвет до предела натянутые нервы и сводит с ума. И нельзя успокоиться, потому что этому нет объяснения. Разум ищет ответ на вопрос и заходит в тупик.

Все как обычно и мы такие, как все, но рядом с нами, там, где мы жили столько лет, появляются растерзанные трупы. Это женщины. Они убиты зверским способом, изнасилованы после смерти, а их тела расчленены.

И кажется, что это болезнь, которая исковеркала и отравила человека настолько, что он стал способен на такие деяния. Но это было бы все очень просто, если бы не одна заминка, один вопрос: почему?

Я был там. Это небольшой казахский поселок под названием Узун-Агач. Изможденный летним азиатским солнцем он не прячет никаких тайн. Я бродил по его пыльным, грязным улочкам в надежде понять, что же произошло на самом деле, но пыль, стены домов и возвышающееся раскаленное солнце хранили молчание. Не найдя ничего, я попросил отвезти меня в соседний поселок. Он был еще меньше и поражал бесконечной нищетой. Люди... Я испытал к ним такую жалость, какой не чувствовал до этого. Помимо всех присущих бедности напастей, они несли еще и проклятье. По-другому это назвать нельзя. Родина этих людей навсегда приобрела славу проклятого места. Проклятый поселок назывался Рабочим. Здесь родился Джулиев.

Ответ на свой вопрос я получил, когда поговорил с местными стариками. Нет, нет, не думайте, что они мне все рассказали, или что-то объяснили. Эти люди не спешили мне что-то рассказывать, а тем более что-то объяснять. Они вообще никуда не торопились, говорили медленно, стараясь больше молчать, тем самым, окутывая себя пеленой загадочности и мудрости. А я наивно полагал, безусловно, потому что я был слишком молод, что они мне откроют какой-то секрет, то, чего никто не знает. Но их души, впитавшие всю мудрость жизни и опыт, опаленные раскаленным солнцем, были для меня закрыты. И я было, уже совсем отчаявшись, хотел прекратить эту скучную, бесполезную беседу ни о чем, и навсегда уехать из этой пыльной раскаленной топки, как

вдруг случайно взглянул в глаза старца и...

Я был поражен. Я был не поражен, я был скорее сражен, я был... Одним словом это не выразить, не объяснить. Хотя в японском языке есть слово «сатори» – просветление. Это «сатори» осветило мое темное сознание ослепительно ярким лучом, и я понял все. Несколько минут я просидел, безотрывно смотря в лицо старику, потом, опершись на что-то твердое и холодное, по-моему, это был большой камень, я встал с пола, на котором мы сидели, и на ватных ногах пошел прочь.

Уже через несколько дней я был дома, в прохладном климате средней полосы. Но это так и не помогло мне сбросить того оцепенения, которое сковало мое сознание. Я в сто тысячный раз прокручивал, то, что увидел в глазах старца, и осмысление увиденного ломало мои стереотипы, мои стандарты, корежило трафареты, штампы, шаблоны, клише из которых было построено мое понимание жизни. Я перестал отвечать на телефонные звонки и никому не открывал дверь. Я занавесил окна, потому что не мог смотреть в них. Я пытался записать на бумаге свои ощущения, но не мог, и, всякий раз, когда ломался мой карандаш, я комкал остервенело листы бумаги и кидал их об стену. Считая себя обычным человеком, я был уверен в своей защищенности, потому что всегда находился в толпе себе подобных, но, когда я очутился один на один с действительностью, оказалось, что все мое мироощущение зиждется на одной опоре, которая рухнула

в тот момент, когда осознание увиденного, настоящее понимание пришло ко мне.

Вы, наверное, уже извелись в догадках и предположениях, что я увидел. Но как вам рассказать об этом, если я так и не смог выразить всего на листе, сломав четырнадцать карандашей и испортив невероятное количество бумаги! Я могу лишь поделиться скудными мыслями. Не подумайте, что я убогий человек, но то, что я понял, я так и не смог полностью передать словами. И потом, я очень боюсь за вас. Я боюсь, что, узнав и поняв, что я испытал, мои мысли, вы уже не будете такими, как прежде. Ваша опора не выдержит и рухнет, увлекая за собой всю конструкцию вашего понимания жизни. Подумайте, может быть не стоит этого делать, а лучше продолжить свое движение по уже гладко накатанной колее, неся на себе такой нужный груз искажений и заблуждений, непоколебимых догм и ошибок.

* * *

Дверь кабинета открылась без стука и на пороге возникла перепуганная женщина:

– Дихан Ильясович, в девятой накормить не можем, не знаем, что делать, помогите, пожалуйста!

Фигура в белом халате подняла голову от книги и раздраженно ответила:

– Вы, что, первый день работаете? Или некому это сде-

лать?

Женщина заговорила скороговоркой:

– Мы не можем накормить, он не ест, мы ему и так и смяк, с ложки пытались, а он все выплевывает, это после кофеина, а Сергей Алексеевич теряется. А как он может, он же первую неделю, а я одна на шесть палат...

Фигура прервала жестом:

– Довольно! Сейчас подойду.

Женщина быстро выскочила за дверь.

Когда в девятую палату вошла фигура в халате, находящиеся в ней люди вздохнули с облегчением, но только на секунду. У окна на койке, пристегнутое ремнями, извивалось тело. На какое-то мгновение оно остановило попытки освободиться из пут, видно почуяв чье-то присутствие, но потом с той же силой начало напрягать мышцы, вновь пытаясь порвать ремни. Жилы на теле взбухли. В двух шагах от него стоял испуганный врач, очень молодой на вид, который пытался побороть себя, чтобы не убежать сломя голову от всего происходящего.

Вошедший моментально оценил обстановку и начал действовать. Все его движения напоминали отточенный до совершенства механизм. Первым делом, отстранив растерянного врача левой рукой, он приблизился вплотную к койке. Правая рука легла на лоб бунтующего. Поняв, что температура тела позволяет действовать дальше, фигура повернулась к медсестре и властно потребовала:

– Аминазин, хлорид натрия, глюкозу!

Все уже было под рукой и медсестра, быстро попав в вену, сделала укол.

– Где зонд? Давайте зонд!

Нянечка, поняв, что от нее требуется, выбежала в коридор и тут же вернулась, неся в руках необходимые принадлежности для принудительного кормления. Приняв у нее резиновую трубку, фигура приказала держать с двух сторон вырывающееся тело, и приступило к кормлению. Когда как нянечка, довольно крупных размеров, удерживала двумя руками левое плечо больного, а, вышедший из оцепенения молодой врач правое, фигура в халате левой рукой придержала голову за нижнюю челюсть, а правой быстро ввела зонд в рот. Потом, не поворачивая головы, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.